

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 372–376

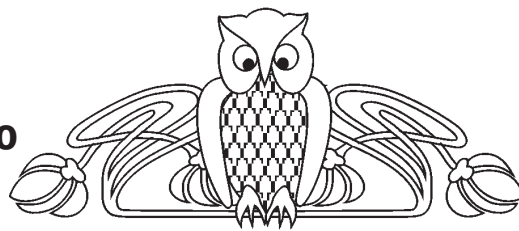
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376>

Научная статья

УДК 101.1:316

Социальный миф как фактор конструирования образов будущего

А. Г. Иванов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, Россия, 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, д. 3

Иванов Андрей Геннадиевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента, agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

Аннотация. В статье дается определение современного социального мифа как ценностно нагруженного феномена, обладающего потенциалом и значимостью, но по-разному используемого акторами – живущим мифом, творцом мифа и критиком мифа. Процесс мифотворчества рассматривается в качестве запускающей так называемую работу над мифом, которая включает в себя как деятельность мифотворцев, так и функционирование мифа в массах. Обращение к проектной функции социального мифа и учет степени осознанности мифа отдельными группами актуализируют вопрос о мифе как факторе конструирования образов будущего. Беря на вооружение идеи Р. Барта и К. Боттичи, автор заключает, что в мифе уже содержатся значимые образы, позволяющие будущему стать более конкретным. На примере государства как главного генератора мифов для широкой аудитории высказывается предположение, что все траектории создания потенциальных образов будущего замыкаются на мифе о герое. Делаются выводы о востребованности таких образов будущего, которые выстраиваются вокруг фигуры лидера, соотносимого с мифологическим героем, и масштаб государства является подходящим уровнем для рассуждений о распространении и пределах влияния современного мифотворчества и что в создании образов будущего задействованным оказывается конструктивный потенциал мифа.

Ключевые слова: социальный миф, мифотворчество, работа над мифом, образ будущего, государство, национальный лидер, миф о герое

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31064 «Социальный миф как фактор конструирования образа будущего России: возможности, границы применения».

Для цитирования: Иванов А. Г. Социальный миф как фактор конструирования образов будущего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social myth as a factor in constructing images of the future

A. G. Ivanov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch, 3 Internatsionalnaya St., Lipetsk 398050, Russia

Andrey G. Ivanov, agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

Abstract. The article defines the contemporary social myth as a value-laden phenomenon with the potential and significance, but which is used in different ways by actors – an indwelling by a myth, a creator of a myth and a critic of a myth. The process of myth-making is considered as launching the so-called work on myth, which includes both the activity of myth-makers and the functioning of the myth in the masses. The appeal to the project function of the social myth and the consideration of the degree of awareness of the myth by individual groups actualize the question of the myth as a factor in constructing images of the future. Taking into account the ideas of R. Barthes and C. Bottici, the author concludes that the myth already contains significant images that allow the future to become more concrete. Using the example of the state as the main generator of myths for a wide audience, it is suggested that all the trajectories of creating potential images of the future are confined to the myth of the hero. Conclusions are drawn about the demand for such images of the future, which are built around the figure of a leader correlated with a mythological hero, that the scale of the state is a suitable level for reasoning about the spread and limits of the influence of modern myth-making, and that the constructive potential of the myth is involved in creating images of the future.

Keywords: social myth, myth-making, work on myth, image of the future, state, national leader, myth of the hero

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and EISR according to the research project No. 21-011-31064 "Social myth as a factor in constructing the image of the future of Russia: opportunities, limits of application".

For citation: Ivanov A. G. Social myth as a factor in constructing images of the future. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 372–376 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Дать определение современному мифу представляется достаточно сложным в силу его многоаспектности. Так, в белорусском словаре встречаем следующее определение, учитывающее и смысл классического мифа, и специфику современного бытования мифа: «Миф – это форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности. <...> Миф как универсальная форма дотеоретического мировоззрения присутствует в различных сферах духовно-практического освоения реальности (мифы массового сознания, "гносеологические" мифы в структуре научного знания, идеологические мифы, "магический реализм" в литературе и искусстве) как необходимый и обладающий мощным продуктивным потенциалом элемент» [1, с. 636]. Обратим внимание на тот факт, что особо выделяются функциональные характеристики мифов современности.

Полагаем, что при рассмотрении современного социального мифа важно учитывать позиции трех акторов: живущий мифом, творец мифа, критик мифа. Поэтому и определение мифа будет разным, объединять эти три точки зрения может то, что миф представляется ценностно нагруженным феноменом, обладающим огромным потенциалом и особой значимостью, облекающимся в разные формы – от развернутого нарратива до отдельного жеста.

Говоря о современном мифотворчестве, необходимо выделять, как минимум, два аспекта этого процесса: работу с мифом (*work at myth*), или деятельность так называемых мифотворцев (в роли которых выступают преимущественно элиты), и работу мифа (*work of myth*), или хождение сконструированного мифа среди широкой аудитории. Все это в совокупности и составляет работу над мифом (*work on myth*), выделяемую Х. Блюменбергом в одноименной книге [2], открывая пространство для обсуждения вопросов определения эвристических возможностей, конструктивного и деструктивного потенциала, пределов распространения влияния современного мифотворчества.

В совокупности ответ на обозначенные вопросы дает обращение к проектной функции социального мифа, которая может оцениваться с двух позиций, отсылающих к содержанию,

соответственно, классического (архаического) и современного мифа. Так, в первом случае миф понимается как пророчество, в котором уже определена судьба народа, страны и т.п., и здесь существует риск столкнуться с упрощенной моделью развития событий, которая может быть сведена к расхожим дихотомиям «мы – они», «свой – чужой», «герой – злодей». Такое сакральное упрощение, по словам немецкого политического социолога А. Дёрнера, лишает миф функции реалистического прогноза будущего [3]. Но гораздо более неоднозначно выглядит потенциал современного социального мифа, ключевую функцию которого мы бы обозначили как суггестивную, в концентрированном виде выражающую все многообразие общественных отношений.

Для мифа определяющими являются и его структурные (или формальные) свойства, просматриваемые в усилиях мифотворцев по соответствующей организации нарратива, находящегося в центре мифологической конструкции; и его функциональные характеристики, приводящие к тому, что аудитория готова разделять миф, что возникает устойчивая вера в него, что мифом начинают жить.

Другим важным для понимания работы современного мифа критерием является степень осознанности. Осознаваемый миф, как правило, становится частью определенного комплекса мифов, воспроизводящегося исторически (например, типа тех мифов о России, которые пытался разоблачать в своих книгах В. Р. Мединский [4–6]).

В других случаях можно говорить о спонтанных отсылках к мифологическому, проявляющихся, например, в эмоционально окрашенных фрагментах нарратива, в отсылках к нарративу с помощью аллюзий, метафор, благодаря которым новые мифы могут возникать почти мгновенно. Получается, что миф как бы приоткрывает метафорический доступ к реальности, о значимости которого говорил Г. Харман [7], в том числе и к реальности будущего.

К похожему выводу в плане интерпретации смысла категории «миф» приходит О. Ю. Малинова, размышляя о символической политике: «В рамках приверженцев более узкой интерпретации символической политики как манипуляции символами "миф" по сути дела выступает как категория политической практики, указывающая

на искусственный, симуляционный характер конструируемых знаков. Однако, будучи сфокусирован на действиях манипулирующих элит, данный подход упускает из виду фактор восприятия – то обстоятельство, что лишь сообщения, “прочитываемые” в качестве констатации чего-то “естественного и несомненного”, действительно являются мифами. <...> Более широкая интерпретация символической политики в полной мере сочетается с пониманием мифа как коммуникативного процесса, в котором участвуют не только мифотворцы, но и их аудитория» [8, с. 14]. То есть автор учитывает и выделяемые нами позиции акторов (живущий мифом, творец мифа) и степень осознанности.

Еще одна сложность концептуализации современного мифа заключается в том, что миф, будучи универсальным явлением, одновременно с этим имеет «партикулярную» природу, так как «“работа мифа” связана с восприятием конкретных групп» [9, р. 319].

Отсюда возникает вопрос, может ли один конкретный миф быть фактором конструирования образа или это должна быть некая совокупность мифов, комплекс мифов, учитывающий чаяния разных социальных общностей?

При определении роли мифов в конструировании и трансляции образов мы будем соотносить наши предположения с известной схемой Р. Барта. В модели французского исследователя показано, что миф возникает на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки, в которой знак представляет собой итог ассоциации образа (формы, означающего) и понятия (смысла, означаемого), но далее этот знак оказывается лишь означающим (образом, формой), который в ассоциации с новым означаемым и дает миф [10, с. 239].

Получается, что просто образ еще далеко не миф, но содержит потенциальную возможность стать таковым; что образу для того, чтобы он смог стать мифом, необходимо придать некий смысл (как форме придается определенное содержание). И не важно, кто этот смысл придает, главное, чтобы смысл стал общезначимым, одинаково понимаемым многими. В таком случае и образ, и оформленный вокруг него миф получают все шансы прочно укрепиться в массовом сознании.

Поэтому важно и нужно увидеть в мифе образ или вернуться к образу, хранящемуся в мифе, который обосновывается через так называемое мифическое понятие, являющееся представлением о реальности. И тогда соответствующие образы станут более очевидными, а представление о реальности, включая будущее, – более четким.

Важно отметить, что при выстраивании образов будущего происходит отвлечение от текущих и исторических проблем, претензий и несправедливостей и используется конструктивный потенциал мифов.

Будущее можно разделять на вероятное, возможное и предпочтительное, как это осуществил В. Белл [11], или, обсуждая непосредственно образы будущего, выделять, с одной стороны, желательное (идеальное) и возможное будущее, с другой стороны, личное, семейное и страновое (связанное с политической сферой) будущее, как представлено в статье Е. Б. Шестопал [12]. Однако, учитывая, что наиболее благоприятной почвой для распространения мифов являются широкие массы (а это – уровень всей страны), то, на наш взгляд, именно государство играет основную роль в генерировании мифов. К тому же следует помнить, что государство по определению претендует на учет интересов большинства. Именно на примере государственной деятельности следует судить о распространении и пределах влияния современного мифотворчества. А если добавить к этому то, что в мифе уже аккумулированы самые значимые образы (если мы разделим точку зрения К. Боттичи [13], что мифы обладают значимостью для людей), то получается, что, эксплуатируя мифы, государство обладает всеми возможностями для продуцирования образов будущего. Если рассматривать политические аспекты образа будущего, то в него входят «...представления граждан об идеальных лидерах, власти, государстве, политических институтах. Эти идеализированные представления формируют нормативные рамки восприятия реальных лидеров, власти, институтов. С психологической точки зрения в нем причудливо перемешиваются представления людей о желаемом (идеальном) и возможном будущем, рациональные и неосознаваемые мотивы, реалистические и воображаемые ментальные конструкции» [12, с. 99]. Обратим внимание на выделение здесь так же, как и в случае со степенью осознанности мифа, двух уровней: рациональные и неосознаваемые мотивы, влияющие на формирование образов идеального будущего.

Продолжим высказанную нами ранее мысль [14, с. 138–153], что мифы охватывают следующие основные критерии классификации государств:

1) форму правления (мифы о герое, которые превращаются в форму мифа о правителе, способном, например, сплотить нацию);

2) форму государственного устройства (этиологические мифы, способствующие государственному строительству);

3) политический режим (мифы демократии, питающие институты гражданского общества, формирующие политическую или гражданскую культуру).

Какие же образы будущего выстраиваются вокруг этих мифов?

Считаем, что все траектории создания потенциальных образов будущего (как вероятных, так и возможных и предпочтительных; как личных и семейных, так и страновых) сходятся или замыкаются на мифе о герое, олицетворением которого обычно является национальный лидер.

Пример России показывает, что в высказываниях лидера страны можно найти ответы на практически все запросы граждан о будущем. Кроме того, в отечественном политическом дискурсе постоянно подчеркивается, что только российский народ может решать основополагающие вопросы развития страны (это утверждение нашло выражение и в факте общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, проводимого с 25 июня по 1 июля 2020 г.). Этим подтверждается важность существования в стране республиканской формы правления, когда глава государства избирается народом. Также в информационном пространстве отмечаются важность и необходимость федеративного государственного устройства страны в будущем; проговаривается, что Россия успешно будет двигаться вперед только как федеративное государство. А слова о необходимости совершенствовать такую ключевую характеристику политического режима, как методы отправления власти, прежде всего через развитие институтов гражданского общества и дальнейшее взаимодействие с ними, раздаются из каждого средства массовой информации.

Однако дело в том, что наличие и даже видимость действия формальных атрибутов демократической власти в России не приводит к тому, что с функционированием этих институтов население связывает свое будущее, как-то выстраивает соответствующие образы. Это подтверждают и выводы по результатам опроса, проведенного Е. Б. Шестопал, из которых следует, что новые представления и понятия о власти (например, идея разделения властей), заимствованные из других политических культур, составляют периферическую часть нормативных представлений о власти у граждан Российской Федерации [12, с. 110]. Но при этом продолжают оставаться востребованными такие образы будущего, которые выстраиваются вокруг фигуры лидера, соотносимого с мифологическим героем.

Таким образом, эвристические возможности мифотворчества на примере образов будущего страны свидетельствуют о доминировании устойчивых, даже архетипических представлений, связанных с персонифицированной фигурой героя, в роли которого выступает национальный лидер. Масштаб государства является подходящим уровнем для рассуждений о распространении и пределах влияния современного мифотворчества, а в создании образов будущего задействованным оказывается преимущественно конструктивный потенциал мифа.

Список литературы

1. *Жбанков М. Р.* Миф // Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск : Книжный Дом, 2003. С. 636.
2. *Blumenberg H.* Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. 685 p.
3. *Dörner A.* Politischer Mythos und Symbolische Politik. Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermannsmythos. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1995. 421 S.
4. *Мединский В. П.* О русском пьянстве, лени и жестокости. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 576 с.
5. *Мединский В. П.* О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 624 с.
6. *Мединский В. П.* О русском воровстве, душе и долготерпении. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 528 с.
7. *Harman G.* Art and Objects. Oxford, UK : Polity Press, 2018. 240 p.
8. *Малинова О. Ю.* Миф как категория символической политики // Символическая политика : сборник научных трудов / ред. кол.: О. Ю. Малинова, Д. В. Ефременко, В. Н. Ефремова. М. : ИНИОН РАН, 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 5–24.
9. *Bottici C., Challand B.* Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9, № 3. P. 315–336.
10. *Барт П.* Мифологии / пер. с фр. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
11. *Bell W.* Public Sociology and the Future: The Possible, the Probable and the Preferable // Handbook of Public Sociology / ed. V. Jeffries. Plymouth : Rowman and Littlefield Publishers, 2009. P. 89–106.
12. *Шестопал Е. Б.* Образ идеального будущего : нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 99–112. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/12>
13. *Bottici C.* A Philosophy of Political Myth. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 286 p.
14. *Иванов А. Г.* Система современной социальной мифологии. СПб. : Алетейя, 2019. 182 с.

References

1. Zhbakov M. R. Mif [Myth]. In: *Noveyshiyy filosofskiy slovar* [The Newest Philosophical Dictionary. Ans. and compiler ed. A. A. Gritsanov]. Minsk, Knizhnyy Dom Publ., 2003. p. 636 (in Russian).
2. Blumenberg H. *Work on Myth*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. 685 p.
3. Dörner A. *Politischer Mythos und Symbolische Politik. Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermannsmythos*. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1995. 421 S.
4. Medinskiy V. R. *O russkom pyanstve, leni i zhestokosti* [About Russian Drunkenness, Laziness and Cruelty]. Moscow, ZAO "OLMA Media Grupp" Publ., 2009. 576 p. (in Russian).
5. Medinskiy V. R. *O russkoy demokratii, gryazi i «tyurme narodov»* [About Russian Democracy, Dirt and "Prison of the Peoples"]. Moscow, ZAO "OLMA Media Grupp" Publ., 2010. 624 p. (in Russian).
6. Medinskiy V. R. *O russkom vorovstve, dushe i dolgoterpenii* [About Russian Theft, the Soul and Long-Suffering]. Moscow, ZAO "OLMA Media Grupp" Publ., 2010. 538 p. (in Russian).
7. Harman G. *Art and Objects*. Oxford, UK, Polity Press, 2018. 240 p.
8. Malinova O. Yu. Myth as a category of symbolic politics. *Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr. Vyp. 3. Politicheskie funktsii mifov* [Symbolic Politics: Collected papers. Iss. 3. Political Functions of Myths. Ed. by O. Yu. Malinova]. Moscow, INION RAN Publ., 2015, pp. 5–24 (in Russian).
9. Bottici C., Challand B. Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy. *European Journal of Social Theory*, 2006, vol. 9, no. 3, pp. 315–336.
10. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957. 241 p. (Russ. ed.: Barthes R. *Mifologii*. Moscow, Sabashnikovs Publ., 2004. 320 p.).
11. Bell W. Public Sociology and the Future: The Possible, the Probable and the Preferable. In: V. Jeffries, ed. *Handbook of Public Sociology*. Plymouth, Rowman and Littlefield Publishers, 2009, pp. 89–106.
12. Shestopal E. B. Image of an Ideal Future: Russians' Normative Concepts of Authorities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, no. 464, pp. 99–112 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/464/12>
13. Bottici C. *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 286 p.
14. Ivanov A. G. *Sistema sovremennoy sotsialnoy mifologii* [The System of Contemporary Social Mythology]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2019. 182 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 16.07.2021, после рецензирования 19.08.2021, принята к публикации 13.09.2021

Received 16.07.2021, revised 19.08.2021, accepted 13.09.2021